

Несвободное населеніе.

Еще въ позднѣйшую эпоху обращеніе военноплѣнныхъ въ рабство признавалось на Руси естественнымъ правомъ побѣдителя. Однако, рабство питалось и другими источниками. Сюда относились: выходъ замужъ за раба, происхожденіе отъ несвободныхъ родителей, имущественная неостоятельность должника или же выполненіе извѣстныхъ обязанностей по домашней службѣ. Наконецъ, рабомъ становился и тотъ человѣкъ, который добровольно отказывался отъ своей свободы. До XV вѣка должность ключника-*тиуна* была неразрывно связана съ утратою личной свободы. Съ другой стороны, до самаго XVII вѣка несостоятельный должникъ попадалъ въ рабство къ займодавцу. Въ такомъ положеніи онъ оставался до тѣхъ поръ, пока долгъ его не бывалъ погашенъ.

Въ XVI вѣкѣ къ перечисленнымъ источникамъ рабства присоединился новый. То была *кабала*. Это арабское слово обозначаетъ такой договоръ займа, при которомъ должникъ обязуется отработать за ссуду и за ея проценты. Подобный договоръ не влечетъ, самъ по себѣ, утраты свободы,—въ этомъ убѣждаетъ насъ практика долговыхъ отношеній въ Германіи и въ южной Италіи. Здѣсь, расплатившись со своимъ займодавцемъ, кабальный человѣкъ могъ вернуть себѣ свободу; мы и видимъ, что въ указанныхъ странахъ подобное явле-

ніе происходило нерѣдко. Но въ Россіи, по большей части, кабальная зависимость оказывалась безысходной. О томъ свидѣтельствуєтъ вся исторія рабства, сложившагося въ этомъ государствѣ.

Законы Ивана IV знаютъ четыре категоріи холоповъ. Во-первыхъ, тамъ упоминаются *холопы полные*: это—тѣ, которые обращены въ безусловное рабство, распространяющееся и на ихъ потомство. Далѣе слѣдуютъ *холопы старые*, очевидно, ставшіе рабами въ силу давности, но какимъ образомъ—намъ не извѣстно. За ними идутъ *холопы кабальные* и, наконецъ, *докладные*, т.-е. утратившіе свободу по докладу—особой формѣ добровольнаго соглашенія. Однако, констатируя явленіе, созданное прошлымъ, законодатель, повидимому, не хотѣлъ мириться съ этимъ наслѣдіемъ минувшаго варварства. Вотъ почему онъ началъ борьбу съ институтомъ рабства, налагая руку на его источники и обставляя существованіе его порою почти запретительными нормами. Очевидно, вступивъ въ общеніе съ цивилизованнымъ міромъ, Русь склонна была вмѣстѣ съ началами культуры усвоить и западную свободу. Впрочемъ, вопросъ соціальнаго освобожденія касался лишь весьма ничтожной части тогдашняго трудового народа. При отсутствіи документальныхъ данныхъ мы не можемъ подтвердить это цифрами, но обосновываемъ свое заключеніе на цѣломъ рядѣ косвенныхъ указаній.

И, однакоже, въ эту самую эпоху Ивана IV созрѣвало грядущее порабоженіе всей массы русскаго народа. Какъ же это произошло? Чѣмъ же объяснить столь странное извращеніе въ ходѣ развитія отношеній, уже опредѣлившихся?

Еще не такъ давно вся тяжесть великой отвѣтственности за крѣпостное право возлагалась общимъ мнѣніемъ на русское правитель-ство XVI вѣка. Согласно наиболѣе распространенному взгляду, оно одно, по своему почину, собственными средствами, произвело коренной переворотъ, роковымъ образомъ измѣнившій и соціальное, и правовое положеніе трудящихся массъ. Въ настоящее время такое сужденіе оставлено всѣми, какъ ошибочное. Какъ и вездѣ, крѣпостное право явилось въ Россіи продуктомъ времени и особыхъ условий хозяйственно-политическаго развитія. Необходимо принять этотъ взглядъ, какъ единственно правильный; иначе, объясняя происхожденіе крѣпостнаго права, пришлось бы обращаться къ туманнымъ построеніямъ славянофильской школы.

По мнѣнію *Кавелина* (Сочиненія I, 630) крѣпостное право явилось

естественнымъ, логически неизбѣжнымъ послѣдствіемъ самой организациі Русскаго государства, основаннаго на началахъ патріархальной власти. Съ такой точки зрѣнія, крѣпостная зависимость имѣла скорѣе благотѣльный, нежели пагубный характеръ. Правда, порою власть одного человѣка надъ другимъ принимала жестокую форму, но то зависѣло отъ общей грубости времени, а не отъ принципа, который отнюдь не освящалъ подобныхъ злоупотребленій. Господство человѣка надъ человѣкомъ было не болѣе, какъ извѣстной опекой. Оно основывалось не на грубой силѣ властвующаго, но на слабости опекаемаго, который самъ сознавалъ необходимость для себя опоры, руководства и защиты.

Однако, мы видѣли, что въ русскомъ обществѣ какъ-то внезапно создается масса социально обездоленныхъ; ничего подобнаго до того времени не наблюдалось. Какъ же объяснить теорія Кавелина это явленіе? Какъ поймечь она его развитіе на ряду съ другимъ процессомъ, именно съ культурнымъ ростомъ государства, который долженъ былъ, казалось, или совершенно исключить порабощеніе народа или хотя бы ослабить его тяжесть? А, между тѣмъ, дѣйствительность, какъ изображаютъ ее историческіе факты, рисуетъ передъ нами совершенно обратную картину. Въ XVI вѣкѣ исторія трудящихся массъ характеризуется двумя процессами капитальной важности. Мы говоримъ, во-первыхъ, о быстромъ исчезновеніи мелкихъ собственниковъ—крестьянъ и, во-вторыхъ, о не менѣе быстромъ обѣдненіи всей массы тогдашняго крестьянства. Послѣдствія этихъ явленій сказались немедленно. Съ одной стороны, во избѣжаніе голодной смерти, множество земледѣльческихъ и другихъ рабочихъ, не находя пропитанія, добровольно отказываются отъ личной свободы; съ другой—огромное количество крестьянъ, сидящихъ на чужой землѣ, уже не въ силахъ расплатиться съ владѣльцами своихъ участковъ; слѣдовательно, они теряютъ главную основу своей свободы, т.-е. право перейти на новое мѣсто по истеченіи договорнаго срока. Одни, такимъ образомъ, за утратою кормившей ихъ земельной собственности, вынуждены или просить милостыню, или стать въ положеніе холоповъ; другіе оказываются несостоятельными должниками передъ землевладѣльцемъ, который когда-то далъ имъ ссуду въ той или другой формѣ и суммѣ. По большей части, вступая въ пользованіе земельнымъ участкомъ, крестьянинъ получалъ такую ссуду въ размѣрѣ 3 рублей. По исте-

чении 10 лѣтнаго срока, онъ обязывался уплатить за это уже 30 рублей по займу, а также отъ 56 коп. до 1 р. 6 коп. за пожилое. Въ общемъ, на наши деньги, это составляло около 300 рублей. Конечно, въ большинствѣ случаевъ, такая единовременная уплата бывала непосильной. Такимъ образомъ создавалось препятствіе къ переходу крестьянина на другое мѣсто: непрерывно растущій долгъ—*серебро*—обращался въ обязательство, прикрѣплявшее крестьянина къ землѣ. Въ концѣ кзнцовъ, обыкновенно, эти *серебренники* сливались въ одну массу съ простыми рабами—*холопами докладными* и *кабальными*. Точно такой же процессъ въ исторіи несостоятельныхъ должниковъ, сидѣвшихъ на римскомъ *ager publicus*, изображаютъ намъ извѣстные изслѣдованія Фюстель де Кулонжа.

Формально еще въ XVI вѣкѣ, личная свобода признавалась достояніемъ основной массы русскаго крестьянства. Но фактически съ половины этого столѣтія она уже является преимуществомъ, которымъ пользовалась, сравнительно, небольшая группа населенія. Къ этой группѣ принадлежали землевладѣльцы и незадолженные крестьяне, сидѣвшіе на чужихъ земляхъ. Съ каждымъ годомъ количество и этихъ счастливыхъ неизмѣнно сокращалось.

Чѣмъ же вызывалось массовое обѣдненіе земледѣльческаго класса? Нетрудно угадать причину этого процесса. Военное положеніе всегда крайне дорого обходится государству. Мы видѣли уже, какую боевую организацію создала себѣ московская держава. Принужденная непрерывно развивать свою военную силу, она должна была увеличивать соотвѣтственно и свои расходы. Прежде всего, ей приходилось вознаграждать служилыхъ людей, которыхъ она все въ большемъ и большемъ количествѣ призывала подъ свои знамена. Далѣе, она стремилась преобразовать свое военное устройство по образцу Западной Европы: слѣдовательно, нужно было оплачивать иноземное вооруженіе, новую экипировку и даже личный составъ, набравшійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Откуда же,—спрашивается,—было взять необходимыя средства? Конечно, съ земли—этого единственно доступнаго источника обложенія, этого подлиннаго богатства тогдашней Руси. Такимъ образомъ, на землю и легли всѣ новыя тяготы. Чтобы испомѣстить своихъ служилыхъ людей, государство обездоливало крестьянъ; чтобы оплачивать иноземныхъ мастеровъ, оно облагало податями земле-

владѣльцевъ. Совершенно естественно, что, при такихъ условіяхъ, помѣщики старались вымогать возможно больше съ крестьянъ, которые пользовались ихъ землею.

Землѣ пришлось за все отвѣчать, она покрывала все расходы. Она стала какъ бы государственной монетою, на которую размѣнивались и трудъ, и военная служба, и гражданскія обязанности, и повинности всякаго рода. И земля не оказывала сопротивленія. Дѣло въ томъ, что, даже оставаясь въ рукахъ вотчинниковъ, она не считалась здѣсь объектомъ полной, неприкосновенной собственности. Уже давно въ рускомъ обществѣ сложилось представленіе, будто земля является, въ сущности, достояніемъ государства. Переходъ ея въ частныя руки допускался какъ бы условно, но верховное право хозяина сохранялось при этомъ за государственной властью. Сами же землевладѣльцы, какъ мы видѣли выше, оказывались въ полной зависимости отъ своего государя. При отсутствіи въ ихъ средѣ единенія и организаціи дѣйствительное сопротивленіе его произволу было для нихъ невозможно. Такъ своею слабостью или покорностью господствующіе элементы общества лишь способствовали развитію системы, отъ которой сами же страдали. Были, конечно, и болѣе строптивые, но имъ оставалось одно: бѣжать за предѣлы досягаемости. Впрочемъ, тутъ сказывается особая черта русскаго характера, именно: склонность скрыться, отойти прочь, но только не бороться активно противъ невыносимыхъ условій... Мы еще увидимъ, какъ проявлялась въ русской исторіи эта національная черта. Во всякомъ случаѣ, крестьяне еще чаще помѣщиковъ прибѣгали къ этому способу самозащиты. Для нихъ, впрочемъ, бѣжать было и легче. За помѣщиками больше слѣдили; они сами были болѣе взыскательны и, конечно, въ поискахъ лучшей доли, отправляясь, хотя бы въ сосѣднюю Польшу, помѣщики и вотчинники подвергались тамъ значительно большимъ случайностямъ и риску. Что касается крестьянина, то его задача была несравненно проще. Юго-восточная граница государства слабо охранялась и къ тому же отступала постепенно все ближе и ближе къ центру. Стоило лишь перебѣжать за этотъ рубежъ,—и за нимъ открывались безконечныя пространства, гдѣ еще дикая земля, свободная отъ всякаго тягла, гостепріимно встрѣчала новаго пришельца. Такимъ образомъ съ начала XVI вѣка земледѣльческое населеніе бѣжитъ со своихъ мѣстъ, забрасывая необработанныя земли. Это становится

всеобщимъ явленіемъ времени, — принимая размѣры настоящаго національнаго бѣдствія.

Тогда государство находить нужнымъ вмѣшаться: оно чувствуетъ, что зло угрожаетъ самымъ его основамъ. Сперва оно обращается къ самымъ угнетеннымъ элементамъ. На этотъ счетъ, правда, еще не установилось единства мнѣній. Но, повидимому, уже съ половины XVI вѣка проведенъ былъ рядъ специальныхъ правительственныхъ мѣропріятій, если не въ законодательномъ, то въ административномъ и судебномъ порядкѣ. Всѣ они имѣютъ цѣлью установить неподвижное обложеніе черныхъ дворцовыхъ земель и, такимъ образомъ, удержать на нихъ крестьянское населеніе. Правда, крестьяне, которые сидѣли на этихъ земляхъ, сохраняли еще, какъ будто, право перехода. Однако, устраиваясь на новомъ мѣстѣ, они обязывались нести тягло или въ прежнемъ или въ большемъ размѣрѣ. Затѣмъ наступила очередь бѣлыхъ земель, принадлежавшихъ служилымъ людямъ московской державы. Уходя съ этихъ земель, крестьянинъ обездоливалъ помѣщика, а разореніе помѣщика было уже бѣдствіемъ всего государства. Однако, въ борьбѣ съ переходами помѣщичьихъ крестьянъ государственная власть не прибѣгала пока къ какой-либо общей мѣрѣ. Она постаралась обезпечить для себя регулярность помѣщичьей службы при помощи нѣкоторыхъ мѣропріятій частнаго и мѣстнаго свойства. То, напримѣръ, въ видѣ исключенія, помѣщику предоставлялось право задерживать крестьянъ, поселившихся на его земляхъ; то ему разрѣшалось отыскивать бѣглыхъ и водворять ихъ на прежнее мѣсто.

Такъ осторожно, частичными мѣропріятіями, подготавливала московская политика, по своему обыкновенію, болѣе общую и глубокую реформу. Около половины XVI вѣка двѣ грамоты, данныя братьямъ Строгановымъ, ознаменовали рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи. Ими устанавливалось, что Строгановы обязуются хватать и отсылать на мѣста жительства бѣглыхъ крестьянъ, которые окажутся въ областяхъ, отданныхъ братьямъ для заселенія и устройства. Дѣло шло о тѣхъ далекихъ и свободныхъ земляхъ, куда стихійно направлялся потокъ населенія, разрушавшій экономическое благосостояніе государства и разстраивавшій его военную силу.

Нѣкоторыми было высказано предположеніе, что съ половины XVI вѣка, въ качествѣ общаго мѣропріятія, было установлено запрещеніе свободныхъ переходовъ для извѣстной категоріи крестьянъ,

именно *старожильцевъ*. То были земледѣльцы, уже давно сидѣвшіе на своихъ участкахъ. Однако, вопреки мнѣнію *Дьяконова* и нѣкоторыхъ другихъ историковъ, *Сергѣевичъ* рѣшительно опровергъ такую гипотезу («Русск. юрид. древности», III, 460 сл.). Главную роль въ данномъ процессѣ игралъ вопросъ о рабочихъ рукахъ и о поземельномъ обложеніи. Вотъ, гдѣ зарождалось то чудовище, которое назвалось впослѣдствіи крѣпостнымъ правомъ. Одно рабство имѣло своимъ послѣдствіемъ другое. Служилый человѣкъ, запертый въ тюрьмѣ, втокнулъ туда крестьянина; за крестьяниномъ послѣдовали, въ свою очередь, купецъ и, наконецъ, представитель церкви. Мы уже видѣли, что городское населеніе Московскаго государства, по существу, не отличалось отъ сельскаго. Въ этомъ смыслѣ, между Русью XVI вѣка и другими европейскими странами лежитъ цѣлая бездна..
